

Кто не рискует, тот не ездит на бал

Лионская "Золушка" в Большом театре

Дрöзлыны мы Большим театром или нет, но его сцена всегда была и до сих пор остается одной из самых престижных в мире. Провести тут гастроль мечтают многие зарубежные труппы. Но у одних не хватает средств на столь "шикарные" безумства. Других пугает степень ответственности. Смелее остальных оказались французы, дважды за этот год рискнувшие выступить в Большом.

Огромный успех сопровождал апрельские гастроль чистейшего классика Пьера Лакота и руководимого им балета из Нанси, показавших великолепную "Сильфиду" со звездами Парижской оперы и любопытный вечер одноактных балетов. Куда более противоречивую реакцию вызвало перовое российское турне Балета Лионской Национальной оперы, известной своими экспериментальными постановками. Безумно волновались все. Но больше остальных — умный и интеллигентный Йоргос Лукос, художественный, руководитель Лионского балета. Придет ли зритель? Поймет ли он нетрадиционный, непривычный спектакль? Не будет ли досадно разочарован, когда вместо рафинированных балерин в пачках и красивых премьеров в камзолах на прославленную сцену выйдут персонажи в скрывающих лицо масках и утолщающих фигуру костюмах, придающих им сходство с ожившими куклами? Да еще исполняющие не изящные прыжки и искрометные пируэты, а весьма и весьма минималистскую, словно "отфильтрованную", хореографию Маги Маран, в которой сохранены лишь самые выразительные и сверхтипичные па и жесты.

К тому же лионцы привезли единственный спектакль Французскую сказку Шарля Перро "Золушка" на музыку русского композитора Сергея Прокофьева. Такой выбор смерти подобен. Ведь общезвестно, что сложнейшая и таинственная прокофьевская партия, созданная композитором в годы войны, до сих пор не нашла адекватного сценического воплощения. Как знать, о чем именно размышлял автор, сочиняя то протекшие музыкальные портреты сестер и мачехи, то жуковатую тему быстрого-того времени, то отстраненную лирику любовных дуэтов? Большинство постановщиков видят в "Золушке" лишь традиционный классический балет с феями, превращениями, канонической лексикой Голливудские темы в парижской редакции ей навязал Рудольф Нурев. Тревоги, страхи, мечтания героев военных лет из него вычитал в своей версии Метью Берис. Спектакль лионцев идет под фонограмму (живой оркестр на гастролях — недоступная роскошь). Партия

Прокофьева сильно урезана да разбавлена вставными "эпизодами" — какофонией невнятной что-то лепечущих младенческих голосов. Но таково пожелание хореографа. Словом, наши безумные гости сделали все мыслимое и немислимое, чтобы на их головы обрушилась лавина критики со стороны "пуристов" как в области музыки, так и балета.

Но риск — благородное дело. Два вечера зрители до отказа наполняли зал Большого. И полтора часа без перерыва (столько длился этот своеобразный балет) с интересом следили за незамысловатыми переживаниями легко узнаваемых героев, перипетиями общезвестного сюжета. Все происходящее на сцене было удивительно трогательно и наивно. В кукольной "Золушке" Маги Маран (со дня премьеры этого шумевшего спектакля прошло уже 14 лет) старина смело противопоставляет руку современности. Магазин игрушек напоминает трехэтажная сценическая конструкция. Чуть пугающие на вид маски, похожие на лица старинных кукол, носят актеры. При том многие костюмы да часть батюшкины словно взяты из гардероба и обстановки ультрасовременной куклы-красавицы Барби. И ее маленькая машина тоже фигурирует в спектакле — на ней Золушка отправляется на бал. В рыцаря-робота превратилась волшебная фея. Он олицетворяет собой некую имманентную, почти космическую силу, которая единственная еще может восстановить справедливость на Земле. Помочь каждой Золушке найти своего сказочного принца, с которым можно жить долго и счастливо. Иметь чуду детей. В современном контексте подобная версия Золушки кажется прекрасной утопией.

По ходу действия этот на вид сугубо детский спектакль незаметно перерастает в мудрую сказку для

Сцена из спектакля

взрослых. Он разогнан на тех, кто вопреки здравому смыслу еще сохраняет веру в чудеса. Умеет мечтать. Жалает хоть на миг вернуться в детство, чтобы, закрыв глаза, из глубин подсознания извлечь давно забытые образы. Вот вернется на подставку стоящий на руках жонглер. Горделивая кукла-испанка в горделивой позе застыла на огромном резном бабушкином буфете. А рядом — пригнущая восточная красавица с томными глазами. Тревожно отбивают дробь зайцы-барабанишки. Дорожка с детства образы вновь оживил в лионской "Золушке". Есть в ней и лирика, и протект как и в прокофьевской партитуре. Но ощущается и ностальгия по ушедшей в прошлое культуре, которую еще знало еще чувствовало мое поколение. К нему принадлежит и сам автор спектакля — талантливая чуждая Маги Маран.

И все таки самую большую радость французская "Золушка" доставила ребятам. В ней все узнаваемо, выстроено соответственно

интернациональным стереотипам детского восприятия мира. Ведь "классик", как на прищипанном салу, играют во всех странах. И прыгают через скакалку. Задвывают свечки на "деньрожденном" торте. А многие танцы этого балета они при желании могут повторить и дома. Не то что замысловатые балеринские па.

Многие влюбились в "Золушку" Маги Маран еще пять-шесть лет назад, когда впервые ее видеоперсия была показана в рамках "Видеоданса". Но часть публики и сейчас сочло это зрелище спорным. Некоторые — чрезмерно примитивным. В основном ортодоксальные поклонники классического балета, которым внушает ужас сама мысль о возможности эксперимента на священной сцене Большого.

Но Лионский балет давно живет исключительно экспериментами. Эта созданная почти 30 лет назад труппа только тем и занимается, что рискует. Показывает в сезон шесть-семь новинок. Приглашает

на постановки то самых именитых мэтров — таких, как Матс Эк, Уильям Форсайт, Йоржи Килиан. То незнакомцев, неожиданно проявивших себя на каком-то из многочисленных крошечных танцфóрумов, проходящих во всех уголках Франции. При нынешней ярко выраженной антиамериканской направленности французской культуры в целом именно Йоргос Лукос заманивает одного за другим американских постмодернистов в Лион. После печально знаменитого скандала в США он пригласил у себя и Билла Т.Джонса. Приглашая кого-то в Лион, Лукос интересуется лишь степенью таланта, а не национальностью гостя. В его голове часто рождаются на первый взгляд безумные, но любопытные проекты. Он без конца путешествует то в одиночку, то бродит по миру вместе с труппой, которую в Нью-Йорке знают и любят больше, чем даже в Лионе. Он стремится все видеть, все знать. Но личные пристрастия ("Люблю классику, особенно Баланчина, а также Марту Грам") не превалируют при составлении репертуарного плана. Руководитель трезво оценивает возможности своих артистов. Никогда их не подставляет, не предлагает задачи, которые им "не по зубам".

Лионская труппа очень своеобразна. Ее артисты имеют классическое образование, хотя танцуют в основном современный репертуар. Конечно же, это прежде всего театр балетмейстеров, а не актеров. Но в труппе ценят яркие индивидуальности. Принимая новых танцовщиков, руководство не приглашает их на конкурсный просмотр. Просто дает возможность показать себя в работе, постепенно выясняя их потенциал, интересы, пристрастия. Понимая, что хореография "Золушки" лимитирует исполнительские и актерские возможности, специально для прессы и профессионалов Йоргос Лукос устроил сценический прогон одного из балетов У.Форсайта, который сейчас репетирует труппа. Познакомьтесь с нами поближе! Лионцы порадовали точными положениями рук и ног, четкими позициями, пониманием сценических задач и стили. Но главное — лионская труппа идет в ногу со временем. Побеждая и теряя поражения. Зная взлеты и падения. Не закликаясь на одном из существующих направлений в ущерб остальным. Очевидно таким и будет балет XXI века.

Виолетта МАЙНИЦЕ

PS Гастроль организованы Французским культурным центром в Москве при содействии АФФА